

раций увеличилось в 2,2 раза, а общий объем кредитования — в 1,6 раза. Eighth Census of the United States, 1860. Vol. 4. P. 291.

³¹ Rockoff H.T. Varieties of Banking and Regional Economic Development in the United States, 1840–1860 // Journal of Economic History. Vol. 5. Iss. 1. (March 1975). P. 162.

³² Посчитано по: Rockoff H.T. Op. cit. P. 165.

³³ North D.C. Op. cit. P. 70.

³⁴ Rostow W.W. Op. cit. P. 317.

³⁵ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Population: 1790 to 1990. Table 16 // U.S. Bureau of the Census. Published (as viewed on April 20, 2003) at <http://www.census.gov/population/censusdata/table-16.pdf>; Seventh Census of the United States, 1850. Vol. 4. P. 82; Eighth Census of the United States, 1860. Vol. 2. P. 247.

³⁶ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Gibson C. Population of the 100 Largest Cities and Other Urban Places in the United States: 1790 to 1990 // Population Division. U.S. Bureau of the Census. Washington, D.C. June 1998. Population Division Working Paper No. 27. Published (as viewed on April 20, 2003) at <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0027.html>

³⁷ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Taylor G.R. The Transportation Revolution. P. 79. Оценивая протяженность каналов и железных дорог в различных секциях, необходимо иметь в виду их площадь. Соответственно, представляется необходимым отдельно рассматривать Запад и Восток страны (из-за несоизмеримости занимаемой ими территории). Площадь семи южных штатов, лежащих на восточном побережье страны, сравнима с территорией занимаемой северо-восточными штатами (272 тыс. квадратных миль против 166 тыс.). Площадь, занимаемая юго-западными и северо-западными штатами является примерно одинаковой.

³⁸ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в United States Historical Census Data Browser.

³⁹ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в United States Historical Census Data Browser. Указаны текущие цены.

⁴⁰ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в United States Historical Census Data Browser. Указаны текущие цены.

АМЕРИКАНСКОЕ РАБСТВО КАК НЕОТРАДИЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Неотрадиционные отношения в экономической истории. Экономическое развитие долгое время представляли как процесс безудержного прогресса, когда на смену отжившим «производственным отношениям» приходят более совершенные. Нередкие в истории случаи регресса, регенерации более примитивных форм (например, гибель в Древней Греции конца II тыс. до н.э. микенской культуры и усиление варварства после нашествия дорийцев), рассматривались как малозначащие исключения.

Современные теории экономических систем представляют процесс развития более сложно, подчеркивая, что прогресс в одних отношениях может сопровождаться регрессом в других. Более того, прогрессивное развитие общества само может стать причиной искусственной регенерации давно, казалось бы, отживших и забытых форм социально-экономических отношений. В таких ситуациях складываются неотрадиционные отношения — искусственно воссозданные хозяйственные уклады, где архаичные методы мобилизации трудовых ресурсов и их эксплуатации используются ради создания ресурсов для современного производства.

Обычно неотрадиционные отношения возникают в переходные эпохи общественного развития, когда новый, зарождающийся хозяйственный уклад переживает фазу «первоначального накопления капитала». Ради этого «первоначального накопления» ресурсов считается возможным использовать любые методы — по принципу «цель оправдывает средства». В результате возникает неравноправный симбиоз: искусственно регенерированный архаичный уклад играет роль сырьевого придатка для нового уклада. Когда новая хозяйственная система укрепляется, неотрадиционные отношения начинают уже

не столько ускорять, сколько тормозить развитие общества, а потому подвергаются решительному демонтажу. Поскольку, однако, переходные фазы развития достаточно длительны, то неотрадиционные отношения могут жить и развиваться в течение столетий, и их демонтаж всегда связан с большими социальными издержками. Таким образом, развитие неотрадиционные отношения создает ситуацию институциональной ловушки: воссоздавая архаичный уклад, общество получает выгоду в краткосрочном периоде, но в будущем его подстерегают высокие потери.

Формирование неотрадиционных отношений хорошо прослеживается на ранних этапах развития капиталистического общества. Становление капиталистической мир-системы придало «второе дыхание» всем трем типам докапиталистических экономических систем — и «азиатскому деспотизму», и рабству, и феодализму.

«Второе издание крепостничества» — это феномен, достаточно хорошо знакомый российской исторической науке. Речь идет о насаждении раннефеодальных форм эксплуатации крестьян, основанных на их прикреплении к земле и барщинном труде. Эта тенденция сформировалась в XVII в. и охватила, помимо России, также некоторые другие страны к востоку от Эльбы (Восточную Германию, Польшу). Поскольку в XVIII в. Восточная Европа стала крупным экспортером сельхозпродуктов в Западную Европу, то помещичье хозяйство нового времени приобрело рыночную ориентацию, но крестьянские хозяйства втягивались в рынок довольно слабо. Другим примером возрождения крепостнических форм эксплуатации в рамках рыночного хозяйства является экономика апартеида в Южной Африке (ЮАР, Родезия), ликвидированная только в самом конце XX в.: лишенные свободы передвижения, чернокожие африканцы оказывались вынуждены наниматься к белым предпринимателям за крайне заниженную оплату.

«Второе издание» «азиатского деспотизма» освещено в исторической науке гораздо слабее. Еще К. Маркс писал о голландской колониальной системе, которая в XVII в. возродила свойственную «азиатскому способу производства» систему «общественных работ, поставив ее на службу капиталистическому мировому хозяйству. Так, в Индонезии до XIX в. включительно действовала «система принудительных культур», при

которой крестьян-общинников заставляли выращивать кофейные деревья и сдавать урожай по номинальным ценам колониальной администрации, которая затем вывозила его в Европу. Хотя это производство носило в конечном счете рыночный, экспортноориентированный характер, но сами производители подвергались внеэкономическому принуждению и не становились ни товаропроизводителями, ни наемными работниками.

Самый известный пример неотрадиционных отношений — это американское капиталистическое рабство. Возникшее еще в XVI в., оно достигло апогея в первой половине XIX в., когда рабовладельческие плантации Северной Америки стали главным поставщиком хлопка на мировой рынок, а рабовладельческие плантации Южной Америки (британская и французская Вест-Индия, Куба, Бразилия) — сахара.

Регенерация рабства освещена в современной исторической науке гораздо лучше, чем «второе издание крепостничества» и «второе издание» «азиатского деспотизма». Дело в том, что и Восточная Европа, и Азия воспринимаются на Западе как глухая периферия капиталистической мир-системы, где происходят малозначительные для «большой истории» события. Но Америка в XIX в. уже вошла, по крайней мере, в субпериферию капиталистической мир-системы, а потому противоборство Севера и Юга считают одним из важнейших моментов мировой истории. Кроме того, последствия рабства остро ощущаются в США и по сей день, что дополнительно стимулирует интерес англо-американской историографии к этой тематике.

Новейшие тенденции в историографии американского рабства. Еще в первой половине XX в. в американской историографии сложилось два полемизирующих друг с другом подхода к анализу экономики рабства и его последствий. Оба они основаны на признании объективной необходимости ликвидации плантационного рабства — иная точка зрения для либерального обществоведения принципиально невозможна. Разногласия начинаются, когда заходит речь об эффективности рабовладельческой системы хозяйства и выбранного пути ее демонтажа. Научная дискуссия, некоторым образом, продолжает былое противоборство Севера и Юга. Одни экономисты обращают основное внимание на «провалы» рабовладельческой системы и на незавершенность эмансипации ра-

бов, другие — на преимущества экономики рабовладельческого Юга и на разрушительные последствия ее реформирования. «Критики Юга» трактуют его как аграрное неорабовладельческое общество, «защитники Юга» — как своеобразную разновидность капитализма.

Роль «защитников» с 1960-х гг. взяли на себя клиометристы, сторонники использования экономико-математических методов. Знаменитая монография Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте» (1974)¹ стала своеобразным манифестом этого направления, вызвав бурную дискуссию. Американские клиометристы доказывают, что по многим параметрам рабовладельческая плантация была заметно эффективнее фермерского хозяйства, «ужасы» рабства сильно преувеличены, а негативные последствия Гражданской войны, наоборот, недооценены. По их мнению, освобождение рабов произошло вовсе не по экономическим, а по политическим и по религиозно-этическим мотивам. Сама же эмансипация рабов оказалась организована, как они полагают, крайне неудачно, что привело к резкому упадку Юга.

Противники клиометристов, радикальные историки-экономисты, ведут критику «защитников Юга» с двух разных позиций. Одни из них — например, Ю. Дженовезе, автор «Политической экономии рабства» (1967)² — требуют комплексного качественного (а не чисто количественного) анализа экономики Юга. Другие — например, Р. Рэнсом и С. Сатч, авторы книги «Одна видимость свободы» (1977)³ — сами берут на вооружение количественные методы анализа, но используют их для подчеркивания аномальности «капиталистов без капитала». По мнению радикалов, нельзя изучать рабовладельческие плантации исключительно в категориях капиталистической экономики (как это делают клиометристы), поскольку хозяйственная культура плантаторов являлась во многом квазикапиталистической, близкой к позднефеодальному стяжательству. Именно архаичные принципы хозяйственной деятельности южан оказались, по их мнению, причиной «провала» освобождения рабов и упадка послевоенного Юга. Если клиометристы ориентируются на неоклассическую парадигму экономического анализа, то радикалы — на институциональный подход.

В 1980-е гг. появилась тенденция сближения позиций клиометристов и радикалов на базе тезиса об экономическом

дуализме Юга, во многом схожем с дуалистическими структурами современного «третьего мира». В это же время начинает развиваться компаративистский подход к анализу американского рабства, основанный на сопоставлении неотрадиционных экономических систем разных типов и в разных странах. Большой резонанс, в частности, получила работа английского историка П. Колчина «Несвободный труд» (1987)⁴, посвященный сравнению американского рабства и русского крепостничества как разных вариантов решения проблемы дефицита труда при неограниченности земельных ресурсов.

В отечественной литературе научные исследования, специально посвященные анализу экономики рабства и работорговли, начали систематически появляться только с конца 1960-х гг.⁵ Идеологическая установка на критику «звериного оскала капитализма» диктовала в СССР гиперкритическое отношение к экономике рабства и некритическое восхищение «революционным освобождением рабов». Лишь благодаря работам И.М. Супоницкой в постсоветской России начинает складываться традиция свободного от идеологических шор обсуждения проблем американского рабства. В трудах И.М. Супоницкой — прежде всего, в ее монографии «Антиномия американского Юга» (1998)⁶ — глубоко и последовательно, с опорой главным образом на труды радикальных историков, развита идея о дуализме (антиномичности) довоенного Юга. Что касается компаративистского подхода к экономике рабства, то он пока в России распространения не получил.

Попробуем рассмотреть на основе новейших исследований зарубежных и отечественных историков⁷, каковы основные черты экономики плантационного рабства как неотрадиционной экономической системы.

Хлопок и рабы — фундамент американского Юга. Первыми рабами в английских колониях были не африканцы, а белые — наказанные преступники (главным образом, участники мятежей) и «законтрактованные» (бедняки, согласившиеся за переезд в Америку отработать несколько лет на положении рабов у первопоселенцев). Однако использовать их для тяжелого физического труда оказывалось довольно трудно — если белого раба эксплуатировали слишком сильно, то он мог просто убежать, поскольку на западе лежали обшир-

ные неосвоенные земли. Выход был найден в использовании черных рабов, отделенных от местного населения расовым барьером, которые к тому же обладали лучшими естественными субъективными производительными силами, чем белые⁸.

Еще в конце XVIII в. четко обозначилось различие между рабовладельческим Югом и свободным Севером. На Севере труд негров-рабов всегда использовался довольно слабо — здесь не выращивали трудоемких культур (типа риса и табака), а потому рабы никогда не превышали 5% населения. Во время американской революции на Севере проживало менее 10% от примерно 500 тыс. рабов из восставших тринадцати колониях, все остальные находились на Юге. Если на Севере доля негров-рабов в населении имела тенденцию падать, то на Юге она, наоборот, росла: в 1680 г. рабы составляли менее 1/10 населения Юга, но уже к 1790 г. их доля выросла до 1/3. После американской революции численность рабов на Юге росла буквально взрывообразно, достигнув приблизительно 1,1 млн в 1810 г. и почти 4 млн в 1860 г.

Следует, впрочем, учитывать, что в отличие от Кубы или Ямайки, где негры-рабы заметно превосходили по численности свободных белых, на американском Юге рабы составляли, как в античном мире эпохи расцвета рабства, примерно 1/3 населения. Только в штатах Южная Каролина и Миссиссиппи число рабов превосходило количество свободных людей.

Американская экономика рабства XIX в. базировалась на выращивании хлопка, на уборке которого было занято к 1860 г. 90% всех рабов. Именно хлопководческие штаты стали затем ядром мятежной Конфедерации, в 11 штатах которой в 1861 г. четверо из каждых десяти человек были рабами, составляя более половины их сельскохозяйственной рабочей силы.

В капиталистической мир-системе первой половины XIX в. рабовладельческая экономика Юга обеспечивала производство хлопка гораздо эффективнее, чем какой-либо иной регион мира, — в 1860 г. Соединенные Штаты обеспечивали 2/3 мирового сбора хлопка. Доход от этого экспортноориентированного сектора стал одним из главных стимулов хозяйственного роста не только для Юга, но и для других регионов страны. Северные коммерсанты делали бизнес, организуя экспорт хлопка за границу (главным образом — в Великобританию) и доставляя южанам произведенные на Севере и импортные

товары потребления. Низкая цена хлопка, произведенного рабочей силой рабов, позволяла текстильным фабрикантам — и в Соединенных Штатах, и в Англии — расширять производство и обеспечивать потребителям дешевые товары. Когда Джеймс Хаммонд, сенатор от Южной Каролины, воскликнул в 1859 г. «Хлопок — это король!», никто не оспорил эту высокую цену хлопковых плантаций Юга.

Хлопковый бум стимулировал рост спроса на рабский труд. Однако его предложение натолкнулось на институциональное ограничение.

На начальном этапе развития американского рабства абсолютно преобладающим источником пополнения рабочей силы была трансатлантическая работорговля⁹. Первых темнокожих рабы привезли в Вирджинию в 1519 г. на борту голландского судна; в течение последующих почти двух столетий легальная работорговля являлась главным источником рабочей силы для американских плантаций. Перелом произошел, когда в 1807 г. парламент Великобритании запретил торговлю рабами, а затем аналогичные запреты приняли и другие западноевропейские страны. Создалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, завозить новые партии рабов из Африки в Америку было уже запрещено, но с другой стороны, плантационное рабовладельческое хозяйство процветало еще несколько десятилетий (в Североамериканских Соединенных Штатах — до 1865 г., на Кубе — до 1886 г., в Бразилии — до 1888 г.).

Из этой ситуации было два выхода: либо развивать контрабандный вывоз рабов из Африки, либо стимулировать размножение рабов в самой Америке. Оба эти метода воплотились в жизнь.

Сразу после запрета вывозить африканских рабов появилось множество судовладельцев, готовых на свой страх и риск уменьшить разрыв между высоким спросом на рабов и низким легальным предложением. Деятельность нелегальных судовладельцев-работорговцев XIX в. следует рассматривать как разновидность неформальной экономики, принципиально не отличающуюся (с точки зрения самих нелегальных коммерсантов) от, например, контрабанды солью или любым иным товаром.

Каждый судовладелец-работорговец действовал самостоятельно, но при негласной поддержке «формального» бизнеса.

Власти тех стран, где он сбывал свой товар, смотрели на его деятельность «сквозь пальцы»; судостроители строили по заказам работорговцев специальные малотонажные корабли, а производители текстиля и бижутерии открыто помещали в газетах объявления о распродаже товаров для торговцев рабами. Работорговля как разновидность неформальной экономики, конкурентная и полулегальная, отличалась от современных ее видов достаточно большим числом работников «фирмы» (экипаж невольничьего корабля составлял не менее полусотни человек), крупным оборотом и очень высокими доходами.

По инициативе Англии, претендовавшей в XIX в. на роль «международной полиции морей», после завершения наполеоновских войн было организовано патрулирование африканского побережья военными судами самой Англии, Франции и США. Поскольку американские корабли руководились обычно офицерами-южанами, возникали гротескные ситуации, когда «формальные» рабовладельцы задерживали и арестовывали неформальных работорговцев.

Противоборство между международным патрулем и работорговцами-неформалами вызвало рост издержек риска, а как следствие — сильный рост цен на невольников и увеличение числа нелегальных работорговцев, готовых поставить на кон свою жизнь, чтобы заработать за удачный рейс целое состояние. Начался настоящий «бум»: ежегодный оборот работорговцев-контрабандистов, соблазненных нормой прибыли порядка 1000–2000%¹⁰, заметно превзошел легальный оборот XVIII в. По мнению историков, в этот период состоялось более 3 тыс. (возможно, в несколько раз больше) нелегальных трансатлантических рейдов, т.е. в среднем примерно 50 рейдов ежегодно; патрули задерживали не более четверти (по некоторым оценкам — 10–15%) невольничьих судов¹¹.

По некоторым оценкам, в последние десятилетия трансатлантической работорговли из Африки было нелегально вывезено вдвое-втрое больше негров-рабов, чем за предшествующие 350 лет легальной работорговли¹². Конец этому промыслу положили отнюдь не удачные действия международного патруля, а полная ликвидация рабства в Америке. Хотя работорговля сохраняется даже в современном мире (например, в Судане), с 80-х гг. XIX в. торговля людьми как запрещенным товаром навсегда перешла из разряда неформального бизнеса в разряд откровенно криминальной теневой экономики.

Нелегальная работорговля являлась главным источником пополнения рабочей силы для рабовладельческих плантаций Латинской Америки (главным образом, Бразилии и Кубы). Что касается Северной Америки, то в южных штатах еще в XVIII в. освоили самовоспроизводство рабов, в результате чего рабовладельческое хозяйство Юга стало практически независимым от внешних поставок трудовых ресурсов. Согласно оценкам (Табл. 1), хотя за XVI–XIX вв. в США перевезли всего 6% всех африканских негров-рабов, уже в 1820-е гг. в этой стране находилось более 1/3 всех рабов Нового Света.

Таблица 1

Распределение негров-рабов по регионам Америки

Регионы	Доля в численности рабов, вывезенных из Африки за XVI–IX вв., в %	Доля в численности рабов на 1825 г., в %
Соединенные Штаты	6	36
Бразилия	38	31
Британская Вест-Индия	17	15
Испанские колонии в Америке	17	11
Французская Вест-Индия	17	4
Голландские, датские и шведские колонии в Вест-Индии	5	2

Источник: Fogel R.W. *Without Consent or Contract*. New York: Norton, 1989. P. 30.

Статистика свидетельствует, что в 1810–1860 гг. численность рабов на Юге выросла вчетырехкратно. Это происходило из-за более высокой рождаемости, вызванной в свою очередь более пропорциональным соотношением рабынь и мужчин-рабов в США, чем в других частях Америки, а также из-за более низкой смертности. Опыт Соединенных Штатов уникален — только в этой стране удалось добиться высокого естественного прироста негров-рабов: например, на Карибах наблюдалась депопуляция негров-рабов со скоростью 2–5% ежегодно, а в Соединенных Штатах — прирост на 2–3%. Это объясняется, видимо, не столько высоким гуманизмом североамериканских рабовладельцев, сколько более здоровыми условиями труда в Северной Америке. Американские рабы выращивали и собирали сначала в основном рис и табак (в XVIII в.), а затем хлопок (в XIX в.). Эта работа была заметно менее изнурительна, чем труд на сахарных плантациях

Вест-Индии и на шахтах Южной Америки, где рабов эксплуатировали буквально «на износ»¹³.

В южных штатах сложилось своеобразное зональное разделение труда. На верхнем Юге, где хлопок не выращивался, рабов эксплуатировали наиболее щадяще, поэтому здесь их естественный прирост оказывался наиболее высоким. Зато на нижнем Юге труд был более изнурительным и рождаемость более низкой; кроме того, расширение рабовладельческой системы на юго-запад усиливало спрос на рабов. Поэтому верхний Юг стал своеобразным «питомником» рабов, часть которых затем продавали на нижний Юг. По оценке Майкла Тадмана, в 1820–1860 гг. из верхнего на нижний Юг перемещались в среднем 200 тыс. рабов каждое десятилетие.

Цены рабов как отражение эффективности плантационного рабства. Собранные историками статистические данные показывают, что в XIX в. цены на негров-рабов стабильно росли: взрослых здоровых рабов (prime field hands — буквально «полноценные полевые руки») продавали за 400–600 долл. в 1800 г., за 1.300–1.500 в 1850 г. и до 3.000 накануне Гражданской войны. На Рис. 1 изображена динамика суммарной ценности всех рабов в Соединенных Штатах с 1805 до 1860 г.: в 1805 г. в стране было чуть более 1 млн рабов стоимостью 300 млн долл., а пятьюдесятью пятью годами позже — 4 млн стоимостью около 3 млрд. долл. Ценность капитала, вложенного в рабов, примерно равнялась полной ценности всех сельхозугодий и сельскохозяйственных построек Юга, и этот капитал стабильно, сам по себе, увеличивался в результате как роста цены рабов, так и умножения их числа.

Южные рабовладельцы справедливо ожидали, что и в будущем экономические выгоды от рабства будут только расти. Р. Фогель и С. Энгерман в книге «Время на кресте» попытались сделать контрфактический прогноз, как менялись бы цены на рабов, если бы не произошла отмена рабства: по их оценке, к 1890 г. цены на рабов увеличились бы более чем 50% к уровню 1860 г.

Цена раба зависела от двух основных экономических факторов — от характеристик самого раба и от общего состояния рынка. Важнейшими индивидуальными особенностями, определяющими цену конкретного раба, были его возраст, пол,

способность к деторождению (для женщин), физическое состояние, характер, уровень трудовых навыков. Кроме того, на стоимость рабов влияли спрос на товары, производимые рабами, и сезонные факторы.

Figure 1
The Value of the Stock of Slaves
in the United States, 1805-1860

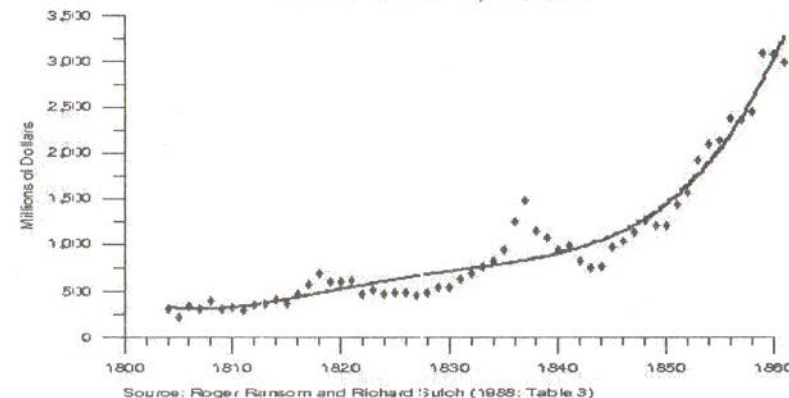

Рис. 1. Динамика суммарной ценности рабов в Соединенных Штатах, 1805–1860 гг.

Price of Male Slave over the Life-Cycle
Old South, 1850

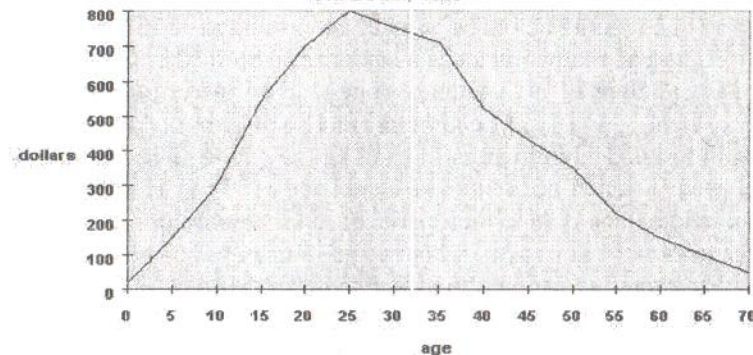

Рис. 2. Динамика цен на рабов в зависимости от их возраста

Источник: Fogel R.W., Engerman S.L. *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. New York: Little, Brown, 1974.

Цены на мужчин-рабов и женщин-рабынь имели тенденцию изменяться в зависимости от цикла их жизни (Рис. 2). Свою цену имели даже дети-рабы, поскольку рабовладельцы ожидали, что они будут жить достаточно долго, чтобы окупить первоначальные затраты на их выращивание. Цены росли по мере повышения половой зрелости рабов, их производительности и опыта. Они достигали максимума для возраста примерно в 22 года для женщин и 25 лет для мужчин. После пикового возраста цены начинали падать — сначала медленно, а затем быстро, поскольку процесс старения снижал производительность. Ценились даже 70-летние старики, поскольку и в этом возрасте негры-рабы сохраняли некоторую трудоспособность (что редко бывает даже с нашими современниками). Цена рабынь сильно зависела от их способности к деторождению. Кроме того, на торгах покупатели иногда платили более высокую цену за неразлучные семейства рабов, справедливо полагая, что разрушение семьи вызовет у рабов сильный стресс и понизит их производительность.

Спрос на рабов и, следовательно, их цены сильно зависели от спроса на произведенные рабом товары. Например, поскольку хлопковые цены в начале 1840-х гг. сильно упали, то и цены на рабов на Юге Соединенных Штатов в то время тоже пошли вниз. Но затем спрос на хлопок и табак устойчиво повышался, и цены на рабов также увеличивались (см. Табл. 2).

Цена раба колебалась и в зависимости от внешнеполитических условий. Так, на падение цен на рабов в конце XVIII в., несомненно, повлияла революция на Гаити, которая могла спровоцировать освободительное движение рабов во всей Америке. Всего через десятилетие цены на рабов поднялись, так как запрет международной работорговли ликвидировал законные каналы «экспортных поставок» новых рабов.

На спрос на рабов влиял и еще один фактор — ожидания относительно длительности сохранения рабства. По мере развертывания Гражданской войны цены сильно понижались, потому что падала уверенность, что рабство выживет. Известно, что в Новом Орлеане взрослых мужчин-рабов продавали в среднем за 1451 долл. в 1860 г. и лишь за 1116 долл. в 1862 г.; с учетом инфляции реальные цены упали значительно сильнее. К концу войны рабов продавали вообще почти за бесценок.

Таблица 2

Цены на рабов и на хлопок в штате Джорджия

Годы, за которые есть данные о цене рабов	Средняя цена за «PRIME FIELD HANDS», долл.
1792	300
1800	450
1809	600
1813	450
1818	1000
1821	700
1828	700
1835	900
1837	1300
1839	1000
1840	700
1844	600
1848	900
1851	1050
1853	1200
1859	1650
1860	1800

Источник: Phillips Ulrich B. *The Economic Cost of Slaveholding in the Cotton Belt* // *Political Science Quarterly*. Vol. 20 (June 1905). P. 267.

До начала клиометрических исследований преобладало мнение, что накануне Гражданской войны рабство как экономическая система изживала сама себя, поскольку примитивные приемы труда рабов истощали почву. Высказывалось даже мнение, будто рабство сохранялось на довоенном Юге не по экономическим соображениям, а как культурная традиция, поскольку именно обладание рабами обеспечивало высокий престиж. Неравномерная, но в целом повышательная динамика цен на рабов показывает, что рабовладельческая экономика отнюдь не приходила в упадок, а, напротив, становилась все более выгодной.

Р. Фогель и С. Энгерман доказали, что инвестиции в рабов имели высокую норму окупаемости, а потому рабовладельцы держали рабов в первую очередь именно для извлечения при-

были. Инвестиции в рабов давали норму прибыли приблизительно в 8–10%, что сопоставимо с окупаемостью других активов. Авторы «Времени на кресте» также вычислили, что довоенные южные фермы были на 35% более эффективны, чем северные, а рабовладельческие фермы на Новом Юге — на 53% эффективнее не-рабовладельческой фермы на Севере. Это значит, что рабовладельческая ферма, которая была бы идентичной свободной ферме (по количеству земли, домашнего скота, машин и используемой рабочей силе), производила бы продукцию, стоящую на 53% больше, чем продукция аналогичной не-рабовладельческой фермы.

Одной из важнейших причин более высокой производительности труда на плантациях следует считать бригадную организацию труда рабов, основанную на кооперации и специализации. Например, при посеве «черные бригады», состоящие из пяти работников, трудились так: первый раб (plowman — пахарь) взрыхлял землю; второй (harrower) разбивал комья; третий (driller — бурильщик) делал лунки для семян хлопка; четвертый (dropper — высаживатель) сажал семена; пятый человек (raker) прикрывал лунки. За работой следили надсмотрщики (drivers), поддерживающие быстрый темп работы.

Клиометрики подчеркнули, что, поскольку рабы составляли значительную часть богатства, то рабовладельцы были заинтересованы не издеваться над ними, а обращаться бережно и рационально. По мнению Р. Фогеля и С. Энгермана, хотя малолетние рабы жили заметно хуже свободных детей, но взрослые рабы жили в условиях, подобных условиям жизни свободных белых рабочих того периода (а иногда даже лучших). Их питание по энергетической ценности даже превосходило обычную пищу свободных работников примерно на 10%.

Р. Фогель и С. Энгерман утверждали, что рабы получали приблизительно 85% произведенного ими продукта. Впрочем, большинство ученых считают эту оценку сильно завышенной; по мнению Р. Рэнсома и Р. Сатча, типичный раб получал лишь примерно 50% продукции, которую он производил.

Известно, что рабовладельцы использовали для повышения эффективности труда своих рабов не только отрицательные (в виде, например, телесных наказаний), но и положительные стимулы. Рабы часто не работали по воскресеньям. Они могли иногда получать от своего хозяина «премиальные» в

наличных деньгах или в ином виде, либо раньше уходить с работы, если заканчивали ее быстрее. Некоторые рабовладельцы разрешали своим рабам оставлять себе часть собранного урожая или работать на собственных маленьких огородах. Кое-где рабы имели право продавать выращенные ими продукты, а в штате Луизиана — даже иметь под своим контролем некоторые суммы денег, называемые «rescuium». Все эти методы предоставления рабам частичной самостоятельности оказывали, однако, двоякий эффект: с одной стороны, они повышали эффективность рабовладельческой хозяйственной системы, но с другой, приближали ее крушение, поскольку давали рабам вкус свободы, заставляя желать большего.

Хотя рабство сильно ограничивало для чернокожих возможности приобрести профессиональную квалификацию, однако примерно 25% черных американцев все же смогли приобрести навыки управляющих или рабочих со средней квалификацией. Именно из этой «черной аристократии» вышли большинство лидеров негритянского ссвободительного движения, организаторы разных форм протеста — от бегства на свободу до восстаний.

Экономика рабства в зеркале художественной литературы: «Унесенные ветром» против «Хижина дяди Тома». На образ давно минувших эпох в умах наших современников влияют не только (и не столько) ученые труды историков, сколько порождающие сильные эмоции художественные произведения. Например, историческая репутация кардинала Ришелье безнадежно испорчена «Тремя мушкетерами» А. Дюма, из-за которых этого самоотверженного государственного администратора принято считать бессовестным интриганом. Американскому Югу XIX в. повезло несколько больше. Представления широкой публики об этой исторической эпохе основаны главным образом на романах Гарриет Бичер-Стоу и Маргарет Митчелл, которые позволяют увидеть Юг с противоположных точек зрения.

Идеологический настрой этих произведений полярен по отношению друг к другу. «Хижина дяди Тома» (1852) — ультрааболиционистское произведение, в котором все ужасы рабства намеренно сгущены и возведены в степень. Напротив, «Унесенные ветром» (1936) изображают довоенный Юг без-

мятежной идиллией, которую жестоко разрушили Гражданская война и Реконструкция.

Давно замечено, что эти книги представляют разные версии «мифа о Юге»¹⁴: Бичер-Стоу изложила «северный миф» (как представляли Юг северяне), Митчелл — «южный миф» (образ Юга в глазах самих южан). Оба эти мифа примерно равно далеки от действительности. Искажение реалий происходило не только в силу идеологических симпатий романистов, но и из-за их личного незнакомства с реальным рабовладельческим Югом: Бичер-Стоу была удалена от него географически (она прожила несколько лет в штате Огайо, на границе с Югом, но на самом Юге не бывала), а М. Митчелл — хронологически (она начала писать свой роман спустя более чем полвека после Гражданской войны).

У Митчелл взаимоотношения рабов и их владельцев описаны в патерналистских тонах, но без нарочитого умиления. На плантациях Тарлтонов, соседей О'Хара, читаем мы на первых же страницах романа, «телесные наказания для лошадей или для негров [курсив мой. — Ю.Л.] находились... под строжайшим запретом...»¹⁵. Аналогично, на плантации Тара, управляемой отцом Скарлетт, Джералдом О'Хара, «не было продано ни одного раба, и только один получил порку — за то, что любимая лошадь Джералда после целого дня охоты осталась неухоженной» — обратите внимание на постоянное сопоставление негров-рабов с лошадьми. Впрочем, когда плантацию О'Хара захватили северяне, то все негры-работники разбежались. От хорошей жизни вряд ли захочешь убежать! Из сотни рабов с хозяевами остались лишь трое домашних слуг, эти представители своего рода «рабской аристократии», да и те на предложение заняться уборкой хлопка ответили отказом: «Мы — домашняя челядь, мы не для полевых работ». Позже к Скарлетт все же вернулся и один из ее полевых рабов. По его рассказу, когда он находился у северян-аболиционистов, то никак не мог удовлетворить их жадного интереса к «ужасам рабства»: «И все про собак меня расспрашивали: как меня ими травили, да как меня били. А ведь... меня же никто никогда не бил! ...Мистер Джералд никогда бы не позволил, чтобы кто ударил такого раба — я же дорого стою! [курсив мой. — Ю.Л.]».

Вероятно, описанные Митчелл патриархальные отношения «добрых» плантаторов и «верных» рабов (увы, «верными» оказались, в соответствии с правдой жизни, не все) выражают не реальный, а желаемый стандарт.

Когда Р. Фогель и С. Энгерман искали информацию о наказаниях рабов, то использовали записки луизианского плантатора-рабовладельца Беннета Бэрроу, который вел в 1840-е гг. своеобразный хозяйственный дневник. Согласно этому дневнику, в 1840–1841 гг. на плантации Бэрроу публичные экзекуции проводили 160 раз, подвергнув порке 110 рабов. Фогель и Энгерман сделали вывод, что на каждого из 200 негров, работавших на плантации, приходилось в среднем 0,7 наказаний в год, причем было 90 рабов, кого не разу ни хлестали кнутом в течение двухлетнего периода. Позже Уильям Скарбороуг уточнил, что на самом деле Бэрроу принадлежало только 129 рабов, поэтому число тех, кого не пороли, надо уменьшить с 90 до 10, а среднее количество наказаний увеличить до 1,03 на каждого полевого раба в год. Герберт Гутман, критикуя клиометрические выкладки Фогеля и Энгермана в работе с ехидным названием «Рабство и игра в числа» («Slavery and the Numbers Game»), заметил, что для правильного понимания ситуации надо обратить внимание на то, как часто хоть кого-то из рабов ставили к позорному столбу. При таком подходе выясняется, что порки производились с частотой раз в 4,56 дня. Это значит, что каждую неделю, как правило, публично секли одного или двух рабов.

Итак, современные историки приходят к заключению, что телесные наказания применялись на Юге обыденно и повседневно. Но и в «Унесенных ветром» признается, что даже забота «добрых» плантаторов о своих рабах сродни скорее бережному отношению к дорогому имуществу, чем помощи ближнему.

Что касается «Хижины дяди Тома», то ее ключевым эпизодом является смерть негра-раба от побоев хозяина. Без него роман Бичер-Стоу потерял бы половину обличительной силы. Но как раз этот эпизод с экономической точки зрения мало убедителен.

Хотя аболиционисты высоко ценили книгу Бичер-Стоу, даже в их среде многие признавали, что обличительница рабства сильно сгустила краски: история смерти Тома не является «правдоподобной, поскольку цена раба как собственности защищает

его жизнь от страстей хозяина»¹⁶. Действительно, Саймон Легри купил Тома за 1200 долл. (это весьма высокая цена — в 1840-е гг. средний уровень цен на здоровых рабов был ниже 1000 долл.) и забил его насмерть всего через несколько месяцев. Известно, что даже в 1850-е гг. чистый ежегодный доход от полевого раба составлял примерно 90 долл. В таком случае жестокий рабовладелец сам себя жестоко наказал более чем на 1000 долл. В такую ситуацию еще можно было бы поверить, если бы Бичер-Стоу изобразила это убийство как совершенное случайно, в приступе ярости. Однако для злодея Легри убить раба, судя по тексту романа, — что выпить чашку чая. «Стоит ли беречь этих негров? — излагает Легри свою «экономическую доктрину». — Одного использовал, покупай другого — и хлопот меньше, и в конечном счете дешевле обходится. [...] Кто покрепче, и шесть и семь лет протянет, а хилым срок года три, не больше». Достаточно элементарных подсчетов, чтобы убедиться в несостоятельности этих рассуждений. В 1840-е гг., когда происходят действия романа, даже за семь лет раб в лучшем случае окупал стоимость своей покупки, не принося плантатору ни цента прибыли. При подобных методах «обновления капитала» плантатор Легри мог бы получать чистый доход лишь при условии, что его рабы собирали хлопок с невиданно высокой производительностью. Однако единственное, что по этому поводу сообщает романистка, — «в горячее время уборки Легри заставлял своих невольников выходить в поле и по воскресеньям» (отсюда, кстати, можно сделать вывод, что даже в хозяйстве жестокого плантатора труд рабов по воскресеньям был аномалией). Пожалуй, если бы такой плантатор-душегуб действительно существовал, то он довольно быстро разорился¹⁷.

Знаменитый американский писатель Уильям Фолкнер (сам южанин) был глубоко прав, когда как-то заметил, что «Хижина дяди Тома» «была инспирирована активным и неверно направленным чувством сострадания, а также неосведомленностью автора относительно ситуации, которую она знала только понаслышке» (курсив мой. — Ю.Л.)¹⁸. Справедливости ради надо подчеркнуть — и у Бичер-Стоу плантатор-убийца изображен как не слишком типичный персонаж: раб Том побывал у трех хозяев, из них первые двое изображены «добрыми», и лишь третий «злым». Однако в соответствии с законами художественного жанра порок кажется достовер-

нее добродетели. В результате читатели «Хижины дяди Тома» хорошо запоминали, что на Юге можно безнаказанно убивать рабов, но совсем не помнили, например, упомянутую в романе историю рабыни-квартиронки, хозяин которой не просто дал ей свободу, но женился на ней и оставил ей свое состояние¹⁹.

Сравнение романов М. Митчелл и Г. Бичер-Стоу с экономической теорией рабовладельческого Юга позволяет в конечном счете сделать довольно неожиданный вывод: в, казалось бы, бесчеловечном обществе рабовладельческого капитализма владельцу рабов быть «добрым» выгоднее, чем «злым». Поэтому плантация О'Хара, пожалуй, исторически более достоверна, чем плантация Легри.

Архаизация экономической культуры Юга. На вопрос, было ли рабство как метод организации рабочей силы выгодным и эффективным, современные историки-экономисты чаще всего отвечают так: рабство было выгодно, но не эффективно. Рабство могло приносить высокую прибыль рабовладельцам, которые эксплуатировали рабов как движимое имущество, но при этом рабство втягивало людей в такую систему организации производства, стимулировало такой образ жизни, которые позже не могли не оказать крайне негативного влияния на общество. Это значит, что рабовладельческая система являлась институциональной ловушкой, в которую легко войти, но трудно выйти.

Среди современных историков-экономистов нет единства мнений, считать ли рабовладельческий Юг «докапиталистическим обществом» (к этому склоняются историки-радикалы) или все же особой разновидностью капитализма (по мнению клиометриков). Причиной этих разногласий служат не только не-капиталистический характер самого института рабства, но и многие разительные отличия хозяйственной культуры Юга от «духа капитализма».

«Нормальный» капитализм развивался на базе правового общества, где отношения между людьми регулируются писаными законами и тщательно оформленными контрактами. Напротив, на Юге огромное значение приобрели неформальные, но общепринятые традиции, регулирующие все сферы жизни.

Известно, что в испанских колониях действовал кодекс рабовладения, который регулировал порядок бракосочетания

рабов, условия их выкупа на свободу и т.д. На Юге же «не существовало ничего, что могло бы... именоваться кодексом законов о рабстве и сравниться с испанским законодательством, защищавшим наряду с другими подданными империи и рабов»²⁰. В результате деформализации отношений между собственниками и «живым имуществом» раб оказывался в полной зависимости от доброй (или злой) воли своего хозяина, не стесненной почти никакими законодательными ограничениями. «Неписанные законы» Юга давали рабовладельцу полную свободу рук.

Деформализации подверглись и взаимоотношения между белыми, которые на Юге гораздо сильнее регулировались «законами чести», чем буквой закона. Поверхностным проявлением этой тенденции стали многочисленные дуэли, придававшие Югу романтический колорит эпохи д'Артаньяна. Менее известен тот факт, что поскольку южный джентльмен не мог отказаться от выплаты долга, то почти во всех штатах Юга совершенно отсутствовали и законодательство об акционерных обществах, и сама эта форма бизнеса с ограниченной ответственностью. «Корпорация вошла в повседневную деловую практику Юга только после Гражданской войны»²¹.

Другое проявление архаизации хозяйственной культуры Юга — это формирование типичного для рабовладельческого общества презрительного отношения к труду как к занятию «только для черных», позорящему свободного человека. Даже рабы презрительно смотрели на «нищую белую шваль», которая работала своими руками, хотя большая часть южан относилась именно к тем, кто имел, как шутили, «только двух рабов — правую и левую руку». Зажиточные плантаторы часто жили как русские бары — передоверяли руководство плантацией наемным управляющим, а сами предавались охоте, светским развлечениям и обломовской праздности. Такой образ жизни был экономически вполне допустим, поскольку рост цен на рабов автоматически повышал богатство рабовладельцев, не требуя от них ударить палец о палец.

Капиталистическое общество по своей природе является промышленным и урбанизированным. Плантационное рабство затормозило на Юге и индустриализацию, и урбанизацию. Накануне Гражданской войны на Юге проживала примерно 1/3 американцев, но производилось лишь 11% национального

промышленного производства. Доля аграрного населения составляла на Юге, как в доиндустриальных обществах, более 90%²². В 1860 г. в городских округах проживали примерно один из пяти человек в Соединенных Штатах, но лишь менее 7% жителей 11 южных штатов.

Приверженность традициям сделала Юг консервативным обществом, довольным существующим положением дел и озабоченным скорее его сохранением, чем обновлением. Развитие понималось как «расползание» Юга вширь (присоединение Луизианы, Техаса, Канзаса) без каких-либо качественных перемен²³. Немудрено, что после отмены рабства многие южане оказались «унесенными ветром» — потерявшими старый мир, но так и не нашедшими себя в новом.

Таким образом, можно согласиться с Д. Бурстиним, что «на Юге развивался капитализм, но не его дух»²⁴. Подобное сочетание стремления к наживе с отсутствием производительной активности сильнее напоминает позднефеодальное стяжательство, чем капиталистическое предпринимательство. Этот причудливый синтез современных форм с архаичным содержанием есть, видимо, имманентный признак неотрадиционных отношений, дуалистичных по своей природе.

Американское рабство, как и другие неотрадиционные отношения, построено на противоречиях двоякого рода: одни из противоречий являлись внутренней характеристикой самого рабства как экономической системы; другие были связаны с тем, что рабство развивалось в капиталистической среде, где господствовали совсем иные принципы хозяйственной организации.

К противоречиям рабовладельческой системы как таковой следует отнести

- а) антагонизм рабов и рабовладельцев, а также
- б) антагонизм рабов и свободных.

К ним добавлялись противоречия, порожденные дуализмом рабовладельческого производства и капиталистического сбыта:

- а) антагонизм плантаторов и фермеров,
- б) антагонизм аграрного Юга и промышленного Севера.

Наконец, помимо этих противоречий, связанных с принадлежностью общества к определенному типу социально-экономических систем, в экономике Юга проявлялись универсальный (для цивилизаций «по эту сторону материального произ-

водства) конфликт между богатыми и бедными, а также специфичный для цивилизации США (и больше почти ни для одной страны мира) межрасовый антагонизм черных и белых.

Взаимопереплетение всех этих драматических конфликтов создавало очень причудливую ситуацию, затруднявшую интерпретировать Юг в терминах только классового, расового или цивилизационного конфликта. Выкупившийся на свободу и разбогатевший негр мог быть богаче многих белых, но, принужденный уступать дорогу «белой швали», чувствовал свое родство скорее с неимущим рабом на плантации, чем с его хозяином. Небогатый фермер-южанин презирал и меркантильного «янки», и соседнего плантатора, и «черномазых», иные из которых выглядели упитаннее его. Северный предприниматель не любил ни барственных плантаторов с Юга, ни его «ниггеров». Раб мог любить своего хозяина, но презирать фермера, трудящегося собственными руками. В результате южное общество часто превращается для современного исследователя в странную аномалию, которая при сильном упрощении поддается, как будто, объяснению, но остается загадочной, если попытаться ее понять как целое.

Парадоксальный характер экономики Юга особенно заметен на примере противоречий между фермерством и плантационным хозяйством. Романисты часто изображали Юг как край одних только рабовладельческих плантаций с многими десятками рабов. Между тем подавляющее большинство южан вовсе не имели никаких рабов, а большинство рабов трудились вовсе не на больших плантациях, а небольшими группами у мелких рабовладельцев-фермеров. Менее 1/4 белых южан имели рабов, половина из них владели менее чем пятью рабами, и менее чем 1% рабовладельцев владели более чем 100 рабами. В 1860 г. среднее число рабов, живущих вместе у одного хозяина, составляло приблизительно 10 человек; более половины рабовладельцев имели от 1 до 5 рабов, и сами трудились рядом с ними. Продукция мелких фермеров (и рабовладельцев, и не-рабовладельцев) чаще всего не могла конкурировать с продукцией плантаций, а потому фермерам приходилось вести полунатуральное или откровенно натуральное производство. Получалось, что высокотоварные плантации отсекали от рынка (или затрудняли доступ к нему) большей части южан. Между тем именно подобные ферме-

ры составляли основную массу тех, кто отчаянно сопротивлялся северянам-«янки» на полях Гражданской войны. Вероятно, образ жизни крупных рабовладельцев оказывался для фермеров привлекательнейшей «витриной» и заставлял их возлагать надежды на переход в ряды плантаторов, а не на победу принципов свободного труда.

Для наиболее корректной интерпретации экономики американского Юга целесообразно обратиться к теориям дуалистической экономики. В истории Юга можно найти практически все дуализмы, типичные для современных стран «третьего мира»: «товарное хозяйство — натуральное хозяйство», «модернизированный промышленный сектор — архаичный аграрный сектор». Эта дуалистическая неотрадиционная экономика является тупиком общественного развития, вытягивающим общество в институциональную ловушку, выйти из которой очень трудно.

Клиометрическое приложение

Расчет цены раба как капитального блага

Клиометрические исследования полезны в двух аспектах: во-1-х, по данным исторической статистики можно проверить справедливость многих концепций современного «экономикса»; во-2-х, современные методы экономико-математического моделирования позволяют дать ответ на многие вопросы, волнующие историков-экономистов. Проиллюстрируем это на материалах работ, связанных с анализом цен на рабов американского Юга.

Когда в 1950–1960-х гг. среди американских экономистов шла дискуссия экономической эффективности рабства на рабовладельческом Юге, то для решения этой проблемы производилось вычисление внутренней нормы отдачи на инвестиции в производство хлопка с помощью невольников. Используя эти материалы, российский экономист М.А. Сторчевой произвел расчет цены раба как капитального блага²⁵.

Универсальная формула расчета продажной цены (Р) капитальных благ длительного использования имеет следующий вид:

$$P = H \frac{1 - 1/(1+r)^n}{r},$$

где H — чистый ежегодный доход от капитального блага,

r — норма отдачи,

n — длительность использования капитального блага.

В 1840-е г., по данным клиометриков²⁶, средняя продолжительность жизни негров была ничуть не меньше, чем у белых, и составляла приблизительно 40 лет. Для расчета цены 20-летнего раба (самыми ценными были рабы примерно в этом возрасте) нужно использовать информацию об ожидаемой продолжительности его предстоящей жизни в этом возрасте, в течение которой плантатор, мог его эксплуатировать, — она составляла около 30 лет.

Отдачей от использования труда мужчин-рабов являлась, главным образом, выручка от продажи произведенного ими хлопка. Количество хлопка, которое мог произвести раб за год, в зависимости от качества земли и организации производства колебалась в пределах 3–8 кип (1 кипа составлял около 400 фунтов, т.е. 880 кг). Для своего расчета М. Сторчевой принимает, что в среднем хозяйстве каждый полевой раб производил 5 кип хлопка в год. Поскольку в 1840 г. цена на хлопок составляла 9 центов за фунт, то один раб производил продукции примерно на 180 долл. в год.

Теперь из этой выручки нужно прежде всего вычесть текущие затраты на содержание раба (пища, одежда и т.д.). По данным клиометриков, они составляли от 25 до 45 долл. в год. М. Сторчевой берет за основу 45 долл.

Оставшиеся 135 долл. должны включать в себя возмещение расходов на землю и орудия. Земля служила в разных районах Юга от 10 до 40 лет, а затем, когда она истощалась, ее просто бросали и покупали новый участок. Поскольку базы данных цен рабов строятся чаще всего на информации о рынке Нового Орлеана, то при анализе можно использовать данные по близлежащему штату Миссисипи. Черноземная почва этого штата служила 40 лет и стоила 35–40 долл. за акр, ее нужно было примерно по 17 акров на каждого полевого раба. Следовательно, для организации хлопковой плантации нужны разовые вложения на 40 лет размером в 660 долл. на каждого полевого раба, нормальной отдачей которых будет 55 долл. в год.

Инвестиции в инструменты и прочие приспособления (плуги, телеги, вагончики и т.д.) требовались в размере 25 дол. на одного рабочего раз в 15 лет, т.е. Они должны были давать отдачу 2 дол. в год.

Таким образом, за вычетом всех необходимых расходов по обеспечению трудовой деятельности одного полевого раба, он давал в среднем

$180 - 45 - 55 - 2 = 78$ долл. чистой ежегодной выручки.

Теперь легко рассчитать, сколько должен был стоить раб, чтобы отдача составила не менее 8% при 30 годах его жизни:

$$P = 78 \frac{1 - 1/1,08}{0,08} \approx 866 \text{ долл.}$$

Сам М. Сторчевой берет при расчете возмещение расходов на землю в размере 45 долл., в результате чего получает

$$P = 88 \frac{1 - 1/1,08^{30}}{0,08} \approx 990.$$

По его словам, «в уже указанный период средняя цена 20-летнего раба составляла 900–950 долл.»; следовательно, эмпирическая информация подтверждает действие на рабовладельческом Юге универсальных законов, определяющих рыночную цену капитальных благ — в том числе и таких специфических, как рабы. Однако такой вывод не совсем корректен. Если обратиться к базам данных о ценах рабов в XIX в.²⁷, то обнаруживается, что в 1840 г. средняя цена молодого мужчины-раба в Новом Орлеане составляла только 770–800 долл. — примерно на 20% ниже, чем следует из расчета М. Сторчевого²⁸.

Сравним полученный результат с эмпирической информацией. По С. Энгерману, в 1840 г. цена молодого раба-мужчины составляла 773 долл., а по Л. Котликоффу — 800. Отклонение фактического значения от теоретически предсказанного на 8–11% можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, данные Энгермана относятся к мужчинам в возрасте 18–30 лет, а у Котликоффа — 21–38 лет. Поскольку после прохождения пикового возраста цена раба понижалась, то оценки Энгермана и Котликоффа обязательно должны были оказаться ниже оценки Сторчевого. Во-вторых, с конца 1830-х и до середины 1840-х гг. происходило понижение цен на хлопок, что

сбивало и цены на рабов. В таком случае в 1840 г. у плантаторов были негативные ожидания в отношении хозяйственной конъюнктуры на ближайшие годы, что вело к понижению текущих цен на рабов.

Итак, интерпретация цены раба как капитального блага в целом находит эмпирическое подтверждение.

Сами авторы «Времени на кресте» использовали методику расчета цены раба как капитального блага для определения структуры цен женщин-рабынь. В отличие от цен на рабов-мужчин, цена рабынь учитывала не только их рабочие качества, но и их способности к деторождению (т.е. к производству новых капитальных ценностей для рабовладельца). В таком случае цена рабыни рассчитывается по формуле²⁹:

$$P = R_{\text{swx}} \sum_{e=1}^m \frac{\psi_{wt} \times \lambda_{wt}}{(1+i)^t} + B \sum_{e=1}^m \frac{\phi_{wt} \times \lambda_{wt}}{(1+i)^t},$$

где R_{swx} — доход от труда рабыни как рабочей силы,

ϕ_{wt} — норма выработки за время t ,

ψ_{wt} — вероятность, что рабыня проживет время t ,

i — норма окупаемости,

B — цена ребенка-раба,

λ_{wt} — вероятность рождения ребенка рабыней в период времени t .

Первое слагаемое этой формулы показывает ценность рабыни как работницы на плантации, второе — ее ценность как своеобразной «машины» по производству новых компонентов «живого» капитала.

Согласно расчетам Р. Фогеля и С. Энгермана, та часть цены рабыни, которая связана с ее способностью к воспроизводству, составляла не более 10%. На этом основании авторы «Времени на кресте» сделали вывод, что рабовладельцы эксплуатировали рабынь в основном как обычных работниц, а не как «живородящие машины».

Примечания

¹ Fogel R.W., Engerman S.L. *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. New York: Little, Brown, 1974. Выводы этой книги были уточнены в более поздней монографии Р. Фогеля: Fogel R.W. *Without Consent or Contract*. New York: Norton, 1989.

² Genovese E.D. *The Political Economy of Slavery*. N.Y., 1967.

³ Ransom R., Sutch R. *One Kind of Freedom. The Economic Consequences of Emancipation*. N.Y.: Cambridge University Press, 1977; Ransom L., Sutch R. *Capitalists Without Capital // Agricultural History*. 1988. Vol. 62. P. 133–160.

⁴ Kolchin P. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Cambridge, L., 1987.

⁵ Абрамова С. Ю. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV—начало XIX века. М., 1966; Ефимов А.В. США: пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969. Гл. IX, X; Косарев Б.М. О роли американского плантационного рабства первой половины XIX в. в генезисе капитализма // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 57–71; Болховитинов Н.Н. Клиометристы и рабство в США // Новая и новейшая история. 1976. № 3. С. 169–175; Косарев Б.М. Генезис плантационной рабовладельческой системы в США // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 62–73.

⁶ Супоницкая И.М. *Антиномия американского Юга: свобода и рабство*. М., 1998.

⁷ При изложении фактического материала об экономике рабства активно использовались материалы текстов: Ransom R. *The Economics of the Civil War*: <http://www.eh.net/encyclopedia/ransom.civil.war.us.php>; Wahl J. *Slavery in the United States*: <http://www.eh.net/encyclopedia/wahl.slavery.us.php>.

⁸ Для работы в теплом климате большое значение имеет природный иммунитет, который характеризуется числом гликопротеинов класса I и II (glycoproteins) у представителей разных народов: европейцы имеют показатель 37, африканцы — 40, восточноазиатские народы — 34, в то время как некоторые племена североамериканских индейцев — 17, а некоторые племена южноамериканских индейцев — только 10.

⁹ См., например: Абрамова С. Ю. *Африка: четыре столетия работорговли*. 2-е изд. М., 1992. С. 143–220; Рено Ф., Даже С. *Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом*. М., 1991. С. 99–123.

¹⁰ Абрамова С. Ю. *Африка: четыре столетия работорговли*. 2-е изд. М., 1992. С. 217, 224.

¹¹ Рено Ф., Даже С. *Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом*. М., 1991. С. 118. Известны драматические случаи, когда застигнутые патрулем работорговцы вступали в перестрелку с патрульными судами или выбрасывали за борт всех находящихся на борту негров-рабов, чтобы избавиться от улики; чаще быстроходные суда контрабандистов просто уходили от погони. Патрули, в свою очередь, не останавливались перед тем, чтобы, нарушая международное право, расстреливать и топить невольничьи корабли прямо в портах Брази-

лии. Борьба с работорговлей в XIX в. сильно напоминает современную «войну с наркотиками» правительства США — как по своей популистской направленности, так и по крайне малоэффективным результатам.

¹² Абрамова С. Ю. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV—начало XIX века. М., 1966. С. 166.

¹³ Интересно отметить, что среди тех, кто поддержал запрет трансатлантической работорговли, были и американские рабовладельцы-южане. Дело в том, что сокращение поставок из Африки повышало цены рабов, уже живущих в Соединенных Штатах, и, следовательно, богатство их владельцев. Уже в начале XIX в. североамериканские негры-рабы имели достаточно высокий уровень жизни и достаточно низкую смертность, а потому могли воспроизводить сами себя, так что южные рабовладельцы не волновались о нехватке рабов.

¹⁴ См., например: Супоницкая И.М. Американский Юг в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» // Проблемы американистики. М., 1990. С. 36–45.

¹⁵ Цитаты даются по изданиям: Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома. Киев, 1987; Митчелл М. Унесенные ветром. Т. 1–2 (Библиотека сентиментального романа). Ростов-на-Дону, 1992.

¹⁶ Цит. по: Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998. С. 88.

¹⁷ И сама Г. Бичер-Стоу, и другие аболиционисты XIX в. приводили конкретные факты об убийствах рабов их хозяевами. Однако эти эксцессы доказывают типичность убийств рабов не в большей степени, чем, например, поведение эксцентричного миллионера, выбрасывающего новый «мерседес» из-за сломанной пепельницы, доказывает типичность такой бесхозяйственности для всех бизнесменов.

¹⁸ Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М., 1985. С. 389.

¹⁹ Подобная история — совсем не сусальный вымысел. На Юге были, как не странно, свободные цветные, которые имели собственные поместья и даже своих рабов (!). Это — результат сентиментальных чувств некоторых рабовладельцев к своим любовницам-рабыням, получавшим в придачу к свободе еще и приличное имущество.

²⁰ Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М., 1993. С. 263.

²¹ Там же. С. 230.

²² Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. С. 41.

²³ «...Экономически Юг рос, но не развивался» (Рэнсом Р., Сатч Р. Капиталисты без капитала: бремя рабства и влияние освобождения // Аграрная эволюция России и США в XIX—начале XX века. Материалы советско-американских симпозиумов [Таллинн, июнь 1987 г.]. М., 1991. С. 177.).

²⁴ Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт... С. 227.

²⁵ Сторчевой М.А. Лекция 38. Раздел 3. Цена раба // Экономическая школа. Выпуск 4. СПб., 1998. С. 179–189.

²⁶ М. Сторчевой использовал данные из работ американских клиометриков, собранных в книге: The Reinterpretations of American economic history. Ed. by R. Fogel, S. Engerman. N.Y., 1971.

²⁷ Рэнсом Р., Сатч Р. Капиталисты без капитала... С. 187.

²⁸ М. Сторчевой, видимо, опирался на сделанные в 1920-е гг. оценки У. Филлипса (он приводит для 1840 г. цифру 1020 долл.), которые в более поздних научных публикациях признаны несколько завышенными.

²⁹ Fogel R., Engerman S. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. [1st ed.] Boston: Little, Brown, 1974. Vol. 2. P. 84.

В.Д. Борисова
А.Ю. Саломатин

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ В КОНЦЕ XIX в.

США продемонстрировали миру пример динамичной индустриализации в условиях переселенческого капитализма с его изобилием природных ресурсов и земельных пространств, отсутствием феодальных пережитков и благоприятной политико-правовой инфраструктурой¹.

Однако страны Западной Европы и Россия представляли общества с устоявшимся цивилизационным развитием, и это накладывало серьезный отпечаток на характер и темпы индустриализации.

Великобритания — пионер промышленного переворота, к середине XIX в. обладала огромным экономическим превосходством над своими европейскими соседями и сполна использовала свое положение лидера мировой торговли. Как восторженно писал в 1865 г. один англичанин: «Степи северной Аме-